

Часть первая

Глава 1

Быстрая мелкая речка Ужиха пряталась в крутых, поросших ивняком берегах. Ее не было видно издали, но Боря знал, она там. Нужно пройти меж гибких деревьев, достичь обрыва и сигануть вниз в определенном месте. Его называют Воронкой. Глубина Ужихи не больше полутора метров, а чаще она по колено, но Воронка — бездонна. Дремучие деревенские бабки считают ее входом в преисподнюю и строго-настрого запрещают внукам купаться поблизости. Засосет, страшат они. Но находятся смельчаки, готовые нырнуть в Воронку. Боря среди них.

Дна Воронки он ни разу не достиг. Даже не увидел его, хотя глаза под водой открывал. Черно и холодно было внутри Воронки, страшно до жути, а все равно манила она. Вот и сейчас Боря продирался через разросшийся ивняк, чтобы прыгнуть с берега в бездонный омут. Добравшись до обрыва, он зажмурился, зажал нос пальцами и нырнул солдатиком. Вода поглотила Борю. Он открыл глаза и увидел черноту. А вот холода не ощутил. В Воронке было так же жарко, как и на берегу...

Боря открыл глаза. Яркий свет на миг ослепил его, но он задернул штору, и стало лучше. Теперь в его комнатушке появился тенек. Но не прохлада! Воздух нагрелся настолько, что казался осозаемым: вязким, липким, как болотная жижа. Его вяло разгонял потолочный вентилятор. Борис с ненавистью глянул на сломавшийся кондиционер и отправился в ванную, чтобы принять душ.

Он открыл кран. Вода полилась теплая, она не охлаждала, но хотя бы смывала пот. Ополоснувшись, Боря вернулся в комнату, достал из холодильника банку, открыл ее и с жадностью выпил пиво. Он не был алкашом и сейчас не страдал с похмелья, да и к пиву был равнодушен. Но именно оно утоляло жажду. Никакие другие напитки так не помогали справиться с ней, разве что домашняя сыворотка, но где взять ее тут, в Таиланде?

Борис натянул на себя шорты и майку и покинул номер. Жил он в гостевом доме самого низкого пошиба. Комната пятнадцать метров плюс коридор со встроенным шкафом и санузел. Балкона нет, но окно имеется, и в него постоянно светит солнце. В принципе, жилище Бориса устраивало: крайне дешевое, вода без перебоев, есть холодильник, чайник, удобная кровать. Расположение у гест-хауса идеальное. До того как сломался кондиционер, он вообще на жизнь не жаловался. Но вот уже вторые сутки пошли, а его так и не починили. И если так дело пойдет, придется переселяться.

Он вышел во двор. Там та же жара, что и в помещении. И тоже нет кондиционера, только вентиляторы. Боря сел за столик забегаловки, где готовили нехитрую местную еду. Заказал пад-тай (рисовую лапшу с курицей и креветками) и пиво «Чанг». На-

питок быстро принесли. А к нему замороженный стакан, чтобы пиво дольше не нагревалось. Налив в него «Чанга», Боря стал ждать свою лапшу.

Время было вечерним. Совсем скоро стемнеет, но и тогда не наступит прохлада. Боря за четыре года проживания в Таиланде так и не привык к местному климату. В сезон еще ничего, жить можно, но когда начинаются дожди, с ума сходишь от влажности и духоты. В эти периоды Борису особенно часто снится речка Ужиха с ее ледяными водами.

Кто бы знал, как он хочет вернуться туда, где она протекает! В родную деревню, из которой мечтал уехать все детство и юность и вырвался-таки в восемнадцать лет.

Принесли пад-тай. Он приятно пах имбирем и кинзой, но эти ароматы приелись и уже не вызывали аппетита. Боря ел местную еду без удовольствия, лишь бы насытиться. Когда она надоедала, ходил в русские кафе или итальянские пиццерии, но оливье и карбонара тоже получались с тайским привкусом (из-за воздуха, пропитанного специями?), и Боря уходил из заведений неудовлетворенным. Зато с пустым карманом: пища для фарангов (такaborигены называли иностранцев) была дороже и подавали ее небольшими порциями.

Борис без аппетита ел свою лапшу и вспоминал бабушкины пироги из печки. С луком и яйцом и щавелем, эти были самыми любимыми. Но сейчас он многое отдал бы за обычную пышку. Бабуля теста ставила много, и начинки не всегда хватало, тогда она скатывала простые шарики, сверху обмазывала их яйцом, посыпала сахаром и ставила в печь. Горяченькие, пышные, они съедались с молоком за считанные минуты...

От сладких воспоминаний о бабушкиной стряпне Бориса отвлек громкий звук. Рычание, урчание, тарахтение, вой — все перемешалось и слилось. Когда Борис услышал этот звук впервые, то подумал, что если бы Воронка, ведущая в преисподнюю, разверзлась, то издала бы именно такой. Но его производил всего-навсего мотоцикл, старый, нелепый, собранный из нескольких, но богато украшенный: тут тебе и гуделка в виде удалой утки, и разноцветные катафоты, и сиденье с бахромой. Гонял на этом чуде молодой китаец в неизменной белой рубахе и пионерском галстуке.

— Саватдии крап, — поприветствовал он по-тайски Бориса.

— Здорово, коль не шутишь, — ответил ему тот.

— Чего мина такая кислая? — на чистейшем русском проговорил тот. — Опять по Родине скучашь? По Россиюшке нашей?

Он имел право говорить так, потому что родился и вырос в РФ. Как и его родители. А дед приехал в СССР в пятидесятых, чтобы строить коммунизм. Звали парня Владленом. Такое нетипичное для азиата имя тот получил от деда. Идейный коммунист сына своего так назвать хотел, в честь Владимира Ильича Ленина, но родилась дочь, и стала она обычной Фа (в переводе — начало). Но на внуке дед отыгрался.

Когда старик умер, дети его вернулись на историческую родину. Владлену же там не понравилось, но и в России оставаться не хотелось. Махнул в Таиланд. На месте сориентировался и понял, чем будет заниматься в чужой стране, открыл туристическое агентство для русских. Назвал его «Ильич», в честь все того же Ленина. Дело пошло

быстро. Русскоговорящий китаец в пионерском галстуке стал любимцем всех отдыхающих в Паттайе выходцев из Советского Союза. Именно у него брали экскурсии и казахи, и армяне, и латыши. Владлен сначала планировал расширяться, открывать еще магазин, кафе и пивнушку, но понял, что это лишнее. Всех бабок не заработкаешь, а для приятной, беспроблемной жизни без суеты и напряжения тех денег, что приходят, вполне хватает. Это было в тайском духе. Сабай-сабай, говорят здесь: расслабься, не торопись, отдохни. Владлен так и делал. И получал удовольствие от жизни в целом: и от работы, и от досуга, и от отношений с людьми. Он окружал себя лишь теми, кто был приятен. Он и сотрудников нанимал по симпатии. Боря ему нравился очень, поэтому он уже год заманивал его в свое агентство. Но тот лишь иногда соглашался на подработку, поскольку с некоторых пор стал считать себя мизантропом, и по возможности держался подальше от людей. Работать же с ними тесно и постоянно Борис не согласился бы ни за какие деньги. Сейчас он торговал через интернет тайской косметикой, но пару раз в месяц по просьбе Владлена отправлялся с малочисленными группами на двухдневные экскурсии. Обычно в Камбоджу, чтобы поставить в паспорт штамп другой страны, так как уже год пребывал на территории королевства без визы, а можно было безвыездно только месяц.

— Так что, брат Боря, скучаешь по России-матушке? — настаивал на ответе Владлен. Он был до тогоенным. — Или живот опять скрутило?

— У меня что, одинаковое выражение лица при тоске и боли?

— Да, как у моего бассета Степана. Никогда не поймешь, грустит он из-за того, что с ним мало погуляли, или, втихаря нажравшись падали, мучается несварением.

Сравнение с собакой Бориса не задело. Степана Владлен обожал, считал его лучшим своим другом и существом высшего порядка с единственной слабостью — неразборчивостью в еде. Ко всему прочему, Борис действительно внешне походил на бассета, у него были такие же большие грустные глаза и обвисшие щечки. Овал лица не всегда был таким, он поплыл, когда Боря резко похудел на тридцать пять килограммов. Если отрастить бороду, этого не заметишь. Но с растительностью на лице становилось еще жарче, а под ней кожа чесалась, и Боря, отрастив вполне приличную бороду, которая к тому же ему очень шла, сбрил ее. Вот вернется на родину, снова отпустит...

Если вернется, конечно!

— Выручай, брат, — услышал он от Владлена. Так он обращался ко всем приятным ему русско-говорящим людям. К остальным «товарищ» или «гражданин». Все в духе СССР.

— Если речь о сопровождении группы, даже не проси, — решительно мотнул головой Боря, и капля пота с брови упала в тарелку. Благо, опустевшую. — Я сейчас сердитее, чем обычно, и не смогу два дня притворяться душкой.

— А за двойную оплату?

— Даже за тройную. Обязательно сорвусь на кого-нибудь, и либо дам в бубен, либо сам получу. Оба варианта нам не подходят...

— Ты травок попей, которыми торгуешь, и все будет нормально.

— Мне они не помогают. Все с потом выходит. Смотри, я уже сырой! — Боря схватил ворох бумажных салфеток и принялся вытираять ими лицо и шею. — Еще в комнате кондей сломался, а без него я заживо разлагаюсь.

— Переселись в другую.

— Нет свободных. Так что остается ждать, когда кондей починят.

— Как скоро?

— Обещали еще вчера. Но ты же знаешь местных, у них вечный сабай-сабай.

— Тогда не отвергай мое предложение, брат. За те два дня, что ты в отъезде, кондей точно починят, главное, денежку дать. А ее ты у меня заработаешь. К тому же я любезно разрешу тебе эту ночь провести в офисе «Ильича». Там холодно, как в Сибири.

Предложение было заманчивым, но Боря все равно колебался. Как представил толпу людей, с которой придется нянчиться больше полутора суток, так становилось тошно. Лучше от жары мучиться, чем терпеть капризных, недисциплинированных, шумных туристов.

— Группа небольшая, не волнуйся, — будто прочитал его мысли Владлен. — Меньше десяти человек. Все взрослые. Я бы сам с радостью их сопроводил, но никак не могу, нужно в Бангкок. В посольство срочно вызвали.

— Неужели, кроме меня, некому поручить такую замечательную группу? Той же Крупской? — с ней Владлен встречался. Девушка была по паспорту Крупинской, но две буквы из ее фамилии тот, кого называли в честь вождя мирового пролетариата, выкинул.

— Она со мной едет. А остальные гиды бестолковые, могут только обзорную экскурсию провести или в тропический парк Нонг Нуч сопроводить.

— Ладно, уговорил, но оплата...

— Двойная, как и говорил. Или плачу как обычно, но даю «добро» на продажу своих товаров. Так нам обоим выгоднее.

— Согласен! — У Бориса как раз завалялось несколько упаковок с неходовым товаром, но за два дня он сможет обработать туристов так, что они будут рвать их на части. Уж коль он обязан притворяться душкой все это время, то нужно за свои страдания выжать максимум.

Они еще немного поболтали и уточнили детали поездки. Владлен дал Боре запасной ключ от офиса, после чего взгромоздился на свой мотоцикл и умчался по дальнейшим делам, переполошив задремавших уличных собак и нескольких забредших в проулок туристов.

Борис допил нагревшееся пиво, расплатился и пошел в сторону торгового центра «Терминал 21». Покупать там он ничего не собирался, хотел просто побродить по кондиционированному помещению, поглазеть на красивые инсталляции, витрины, вещи, людей — не мокрых-потных, а принаряженных, улыбающихся, праздных. Он и от них держался подальше, но хотя бы глазу было приятно. Борис только тем себя и развлекал, что слонялся по торговым центрам: читать он не любил, телевизора не имел, от интернета уставал, поскольку через него зарабатывал денежку. Было время, когда он увлекался морскими покатушками. Гонял на лодке в свое удовольствие, а не катая туристов, но разбил ее, а на починку не нашел

средств. Пришлось продать. Как и навороченный велосипед. Оставил себе только старенький скутер, без которого в Паттайе никуда.

В Таиланд Боря приехал на отдых. Планировал пробыть в стране две недели, покататься по островам, покуролесить, потусить на виллах, что арендовал вместе с яхтой на себя одного. Он мог себе это позволить, поскольку отлично зарабатывал, а последний его гонорар насчитывал семь нолей. Весь его проматывать Боря не собирался, но четверть — без сожаления. Подумаешь, пять миллионов рублей, еще заработает! Борис Марков уже не просто перспективный адвокат, а суперзвезда юриспруденции. Блестяще выигранное «крайнее» дело принесло ему и гонорар с семью нолями, и статус всемогущего защитника. От богатых клиентов скоро отбоя не будет, и это значит, нужно хорошенько отдохнуть, перед тем как взяться за покорение вершины.

Неделю Боря куражился. Виллы, яхты, девочки. Шампанское рекой. Трансы-проститутки. Не для секса, а прикола ради, чтобы пели «Калинку-малинку». Были еще крокодилы, которых запускали в бассейн, ручные змеи для игр, бабочки для красоты. Но все прекратилось вмиг. Маркову позвонили и сообщили, что его подопечный снова под стражей. Боря хотел рвануть в Питер, но ему сказали, подожди.

Отмазал он своего клиента по кличке Депутат хитрым способом. Тот обвинялся в двойном убийстве, но Марков доказал, что он не мог того сделать, потому что в это время совершал другое преступление, менее тяжкое. Наехал якобы на пешехода и скрылся с места аварии. За это Депутату